

ПАВЕЛ БУТАКОВ*

ВО ЧТО И КАК НАДО ВЕРИТЬ: ОТВЕТ СОВЕСЕДНИКАМ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-237-246.

Когда я писал статью «Как верить преданно и твердо?», то полагал, что замахнулся на чересчур обширную тему — универсальную классификацию всех пропозициональных установок, описываемых словом «вера». Однако, судя по ответам моих собеседников, поставленная мной задача на деле оказалась слишком узкой и неспособной дать ответ на большинство тех вопросов, которые в первую очередь возникают в связи с верой и религией. В рамках своего краткого ответа я обращаю внимание на вопросы, которые показались мне наиболее провокационными и перспективными с точки зрения дальнейшей расширенной разработки данной темы. Кроме этого, мои собеседники утверждают, что предложенная мной схема помимо узкой направленности имеет ряд внутренних недостатков. Я опять же не стану реагировать на каждую претензию: предъявленная критика достаточно прозрачна, и читатели сами смогут оценить ее убедительность и достоинство. Однако на возражения, которые чреватые полной дискредитацией моей работы, мне все-таки придется ответить. Я начну свой ответ с обсуждения внутренних недостатков, а затем перейду к предложениям о расширении моего узконаправленного подхода.

1. КРИТИКА СХЕМЫ

Ключевая идея, на которой строится предложенная мной схема, состоит в том, что все вероподобные установки следует разделить на две описанные в статье группы. Неудивительно, что эта идея вызвала сомнения у моих собеседников. Доводы Алексея Рахманина (далее: А. Р.) и В. М. Лурье (далее: В. М. Л.) указывают на то, что этих двух групп

*Бутаков Павел Анатольевич, к. филос. н., старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), pavelbutakov@academ.org, ORCID: 0000-0001-8133-1626.

**© Бутаков, П. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

недостаточно для описания полной картины. А с точки зрения Анны Моисеевой (далее: А. М.), введение даже этих двух групп нецелесообразно. Кто же нас рассудит? Какого рода доводы уместны в нашем споре? При разработке своей схемы я руководствовался интроспекцией и теоретическими достоинствами предлагаемого подхода — в частности, его простотой и конкурентоспособностью — в сравнении с другими существующими подходами. Однако мои собеседники используют и другие критерии оценки: соответствие схемы лингвистическим интуициям (А. Р.) или научным данным (В. М. Л., А. М.), возможность ее семантической формализации (А. М.), а также проверку на наличие внутренних теоретических противоречий (А. М.). Я охотно признаю значимость всех перечисленных критериев. Рассмотрим приведенные возражения в указанном порядке.

1.1. Лингвистические интуиции. В современных эпистемологических спорах лингвистические интуиции играют чуть ли не решающую роль (что, кстати, на мой взгляд, неоправданно). Если удастся показать, что некое устойчивое словоупотребление не вписывается в рамки философской концепции, это становится переломным аргументом против неё. Следуя данной процедуре, я готов признать мою схему неудовлетворительной, если будут предъявлены конкретные подтверждения того, что она не соответствует практике обыденного русского языка. На данный момент предложен лишь один потенциальный пример такого несоответствия — слово «исповедание», которое, по мнению А. Р., более точно описывает «веру в вероучение». Однако мои лингвистические интуиции вполне позволяют рассматривать «исповедание» в рамках того, что я назвал мнением. Более того, мое описание мнения не просто пересекается, а в точности совпадает с тем, что я понимаю под исповеданием. Поэтому я не вижу необходимости введения «исповедания» как третьей дополнительной группы.

1.2. Научные данные. Может ли философская теория быть подтверждена или опровергнута при помощи науки (А. М.)? Я считаю, что может. В качестве научного подкрепления моей гипотезы о существовании двух видов вероподобных установок я могу сослаться на распространённую в когнитивистике теорию двойного процесса (dual process theory¹), согласно которой наши верования формируются посредством

¹Одной из наиболее известных работ в данной области является бестселлер нобелевского лауреата Даниэля Канемана «Думай медленно... решай быстро» (Канеман, Андреев и Деглина, 2014).

двух разных механизмов: контролируемого, связанного с принятием решений, и неконтролируемого, связанного с нашими когнитивными привычками². В качестве эмпирического опровержения моей схемы В. М. Л. приводит синдром Котара, когда пациент уверен в собственном несуществовании. На основании этого примера он, как мне кажется, выдвигает предположение о том, что помимо предложенных мной двух групп установок необходимо как минимум ввести еще одну — категорическую произвольную. У меня есть два возражения против уместности данного примера. Во-первых, В. М. Л. классифицирует веру, что «я не существую», как категорическую, однако я бы, скорее, рассматривал ее как количественную. Во-вторых, строго говоря, такую веру вообще не стоит рассматривать в рамках моей схемы, поскольку эта вера не является пропозициональной: утверждение «я не существую» не может быть истинным и, следовательно, не является пропозицией³.

1.3. *Формализация.* Может ли моя схема быть успешно формализована? Я, если честно, пока не задумывался над этим вопросом. Его задает А. М. и сама же предлагает, насколько я могу судить, весьма удачную идею такой формализации. Она берет на вооружение семантику Хинтикки, которая подходит для категорической веры, и модифицирует эту семантику на основании количественного определения веры Коэна посредством введения дополнительного параметра степени веры. Я полагаю, что эти два подхода вполне могут быть применены для формализации, соответственно, мнения и уверенности.

1.4. *Внутренние противоречия.* Самой серьезной претензией для всякой теории является указание на какие-нибудь внутренние теоретические неувязки. Одной из таких неувязок в моем теоретизировании, как считает Константин Павлов-Пинус (далее: К. П. П.), является подмена понятия: якобы «вера, что Q » подменяется на «уверенность, что я верю, что Q ». В моем тексте действительно есть рассуждения как об одной, так и о другой вере. Однако я не нахожу, собственно, подмены (за исключением двух вспомогательных примеров, о которых будет сказано ниже), а К. П. П., к сожалению, не уточняет ее местонахождения. Далее,

²За эту идею я благодарен участникам семинара «TheoPsych: Bringing Theology to Mind», проходившего 6–18.07.2020 в Фуллеровской теологической семинарии (Fuller Theological Seminary, USA), организованного в рамках проекта «Blueprint 1543».

³В частной переписке В. М. Л. указал мне на то, что возможен такой мир — мир пациента с синдромом Котара, — где пропозиция «меня не существует» может принимать значение «истинно». Я по-прежнему сомневаюсь в возможности такого мира, но эта дискуссия выходит за рамки обсуждаемой темы.

А. М. указывает на наличие порочного круга в полученных мной выводах: действия, направленные на увеличение уверенности (далее: действия-для-уверенности), требуют сформированного мнения, а действия, направленные на формирование мнения (далее: действия-для-мнения), требуют высокой степени уверенности. Я согласен с А. М. в том, что наличие такого порочного круга указывало бы на то, что моя изначальная цель — предложить эффективные и доступные действия для обретения веры — оказалась не достигнутой, и, следовательно, вся моя схема — бесполезной. Однако я не согласен с тем, что мои выводы действительно содержат этот порочный круг. А. М. права в том, что действия-для-мнения положительно влияют на уверенность, а действия-для-уверенности — на мнение. Тем не менее эта частичная взаимозависимость еще не является достаточным основанием ни для обобщения, ни для утверждения необходимости. Другими словами, я не считаю ни мнение *необходимым* для совершения *любых* действий-для-уверенности, ни уверенность *необходимой* для *любых* действий-для-мнения. Откуда берется мысль о том, что для совершения любых действий-для-уверенности необходимо наличие мнения? Возможно, виной тому являются некоторые приведенные в моей статье примеры действий-для-уверенности. А. М. совершенно справедливо замечает, что указанные действия для увеличения центральности и укорененности по сути являются действиями-для-мнения. Вдобавок она права в том, что приведенные примеры действий для увеличения желанности и этичности вообще нерелевантны, поскольку они способствуют не росту «уверенности, что Q », а росту желания «верить, что Q » (возможно, это и есть та подмена понятий, на которую указывает К. П. П.; отчасти сходную претензию высказывает и А. Р.). Я признаю, что эти примеры неудачны. Однако из этого еще не следует, что любые другие возможные действия по увеличению данных четырех факторов точно так же обречены на провал. Вдобавок есть еще один очень мощный фактор уверенности — достоверность, который при этом не имеет прямой связи с мнением. А. М. отбрасывает данный фактор на том основании, что он не позволяет «достичь какой-то окончательности». Однако нам и не нужно достигать окончательности — нам достаточно того, что ознакомление Рекса с новыми подтверждениями Q способно хоть сколько-нибудь повысить степень его «уверенности, что Q ». Наконец, я привел лишь пять факторов, влияющих на уверенность, однако их вполне может быть больше. Таким образом, я не согласен с А. М. в том, что *единственным* способом увеличения уверенности являются действия-для-мнения. А откуда берется мысль

о том, что для совершения любых действий-для-мнения необходимо наличие высокой степени уверенности? А. М. приходит к этому выводу на основании трех посылок: (а) о том, что, рассуждая о *FFF*, нам необходимо учитывать смысл обыденных русских слов «преданный» и «твердый»; (б) о том, что предикат «преданный» относится именно к мнению, а «твердый» — к уверенности; (в) о том, что «преданность» мнения означает «глубокую эмоциональную вовлеченность» и «интериоризацию», что, по сути, подразумевает высокую степень уверенности. Эти посылки небезосновательны, однако не бесспорны (особые сомнения вызывает у меня посылка (б)). Если принять эти три посылки, то полученный «слегка модифицированный» (*sic!*) подход действительно будет содержать порочный круг. Однако я не вижу никакой необходимости принимать эти посылки, а без них принятие мнения вполне может совершаться без высокой степени уверенности. Таким образом, порочный круг разрывается, а обвинение в бессмысленности деления на две группы снимается.

2. РАСШИРЕНИЕ СХЕМЫ

Чтобы упорядочить разнообразие возражений моих собеседников, я позволю себе еще раз кратко перечислить ключевые моменты своего рассуждения. В качестве точки отсчета я выбираю фактически существующий древний текст Афанасьевского символа веры (далее: АС). Этот текст содержит несколько десятков вероучительных изречений, в которых детально излагается христианское учение о Троице и о Христе (например, «Отец — Бог, Сын — Бог, Дух Святой — Бог; однако это не три бога, но есть лишь один Бог» или «Господь Иисус Христос, Сын Божий, есть Бог и человек»). Далее я делаю следующие дополнительные допущения:

- (1) Есть некий человек (далее: Рекс), который желает иметь «преданную и твердую веру» в содержание АС;
- (2) Рекс считает, что содержанием каждого вероучительного изречения АС является некая пропозиция, а содержанием всего АС является конъюнкция этих пропозиций (далее: *Q*);
- (3) Рекс считает, что «преданная и твердая вера» в *Q* — это некая пропозициональная установка относительно *Q* (далее: «*FFF*, что *Q*»).

Из этих трех допущений следует, что Рекс желает обрести «*FFF*, что *Q*». Ни я, ни Рекс не знаем, что именно представляет собой *FFF*, и не знаем, какие нужно совершить действия, чтобы обрести «*FFF*, что *Q*». Поэтому — чтобы помочь Рексу реализовать его желание из

пункта (1) — мне следует рассмотреть все возможные варианты того, чем может быть *FFF* и какие действия будут целесообразны для обретения «*FFF*, что *Q*» для каждого из рассмотренных вариантов. В связи с этим я предлагаю обобщенную схему разделения всех вероподобных пропозициональных установок на две группы и далее для каждой из групп привожу перечень действий, которые должны положительно сказываться на установках из этой группы. В итоге я утверждаю, что выполнение перечисленных действий должно привести Рекса к желаемой цели из (1).

Я также утверждаю, что дополнительная ценность предложенной схемы состоит в том, что она *mutatis mutandis* может быть использована и за пределами описанной религиозной ситуации. Однако применимость данной схемы все равно должна быть ограничена теми же исходными допущениями о том, что (1) у субъекта имеется желание поверить в некое утверждение; (2) содержанием этого утверждения является пропозиция; (3) желанная вера является пропозициональной.

Насколько я могу судить, мои собеседники критикуют мой подход за то, что он чересчур ограничен и что поставленная задача слабо соответствует тем реальным жизненным ситуациям, в которых оказываются люди, задумывающиеся о вере и религии. В том случае если подобные претензии выдвигаются не как указания на ошибку, а как рекомендации к расширению контекста, я не вижу смысла возражать и защищаться. Далее я намерен рассмотреть наиболее заинтересовавшие меня претензии именно как рекомендации к расширению допущений (1)–(3).

Допущение (1). Я исхожу из того, что Рекс желает верить в содержимое АС. Но здесь может возникнуть законный вопрос о том, почему Рекс желает в это верить. Какие другие желания привели его к этому желанию? А. Р. предлагает целый ряд возможных исходных желаний Рекса: желание социальной адаптации, желание спасения, желание уверенности в том, что спасение связано с верой в АС. Поможет ли предложенная мной схема Рексу в реализации этих исходных желаний? Вопрос интересный, но на него у меня пока что нет ответа. Вдобавок А. Р. предлагает учитывать не только сам факт желания Рекса верить в АС, но также и силу этого желания, ведь от нее, в частности, будет напрямую зависеть его уверенность — правда, не «уверенность, что *Q*», а «уверенность в том, что он имеет *FFF*, что *Q*». Очевидно, что предложенная мной схема на это не способна.

Допущение (2). Рекс сходу решает, что содержанием АС является пропозиция. Прав ли Рекс? Что если АС — это вовсе не пропозиция, а некие эпистемические инструкции, семантические правила (К. П. П.)

или практические правила жизни (А. Р.)? К. П. П. справедливо указывает на существование псевдопропозиций, которые лишь по форме напоминают пропозицию, а на деле не связываются с истинностным значением. Такое встречается сплошь и рядом: например, в житийной литературе мы находим слова о том, что св. Николай раздал все свое имущество нищим. Цель и смысл данного утверждения состоит в том, чтобы задать «правило веры и образ кротости» и вряд ли кого-то всерьез интересует вопрос о том, было это на самом деле или не было. Более того, некоторые религиозные утверждения вообще не являются ни пропозицией, ни правилом, а, выражаясь загадочным языком В. М. Л., содержат сложный символ, обращенный к невыразимому смыслу, который не может быть редуцирован к конъюнкции пропозиций, но может быть ею представлен. Оставим за кадром спор о том, являются ли пропозициями конкретные утверждения АС «Отец, Сын и Святой Дух — это не три бога» или «Иисус Христос — это Бог и человек» (я убежден, что это пропозиции, а мои собеседники, возможно, так не считают). Важно отметить, что в религиозной жизни людям приходится иметь дело не только с вероучительными пропозициями, но и с непропозициональными высказываниями, и с ними тоже хотелось бы разобраться. Однако предложенная мной схема предназначена лишь для пропозиций.

Допущение (3). Рекс озабочен обретением пропозициональной «веры, что Q », и в данный момент он не сосредоточен ни на какой другой вере. Иными словами, он пока не пытается найти ответы на вопросы о том, как обрести религиозную веру или как стать верующим, как отыскать веру в существование Бога, начать верить в Бога, научиться доверять Богу или жить в согласии с верой. Рекс вполне отчетливо осознает, что даже в рамках христианского словаря слово «вера» имеет множество разных значений и что эти значения хоть и неразлучны, но все-таки не слитны. Его конкретное желание ограничено лишь преданной и твердой верой в истинность содержания АС (см. (1)). Из этого вовсе не следует, что Рекс настолько неразборчив, что путает эту пропозициональную веру с религиозной верой. Из этого также не следует и то, что Рекс считает пропозициональную веру достаточной для полноценной религиозной жизни и спасения. А еще из этого никак не следует, что, стремясь к пропозициональной вере, Рекс тем самым предпочитает веру в «Бога философов», а не в христианского Бога.

Я пытаюсь помочь Рексу обрести « FFF , что Q ». Однако мои собеседники (А. Р., К. П. П. и В. М. Л.), по-видимому, настолько переживают за Рекса, что хотят помочь ему сразу решить и другие, более важные

религиозные проблемы. Они справедливо замечают, что, следуя моей схеме, Рекс не сможет решить эти более важные проблемы; он так и не станет истинно верующим христианином, а застрянет где-то на уровне карикатурного аналитика-протестанта. Я согласен с тем, что моих советов недостаточно для того, чтобы сделать Рекса христианином, поэтому — когда Рекс справится с текущей задачей — я предложу ему обратиться за дальнейшими советами к моим собеседникам.

При этом я надеюсь, что моя схема все же пригодится Рексу и в будущем. Как уже было сказано, она может быть использована и за пределами описанной религиозной ситуации при условии соблюдения наложенных ограничений. До сих пор я рассуждал о той вере, которая по-английски обозначается как *belief*, а по-гречески *δόξα*. Но как быть с религиозной верой, которая по-английски *faith*, а по-гречески *πίστις*? В тех случаях, когда религиозная вера является пропозициональной, предложенные советы, на мой взгляд, должны быть вполне пригодными и для нее⁴. А что делать с непропозициональной религиозной верой, например, верой в Бога? Я полагаю, что даже здесь моя схема может принести пользу. Ведь если допустить, что непропозициональная религиозная вера подразумевает наличие хоть какой-то пропозициональной веры, тогда действия, направленные на обретение и укрепление этой пропозициональной веры, могут оказывать опосредованное положительное влияние на религиозную веру⁵.

Наверное, бывает такая непропозициональная религиозная вера, которая вообще никак не связана с верой в какие-либо пропозиции (мне сложно представить, что это такое, но я все же обязан это допустить). Возможно, именно такую веру имеют в виду мои собеседники (А. Р., К. П. П. и В. М. Л.), говоря о вере как о форме или правилах жизни⁶. Если в такой вере действительно отсутствует хоть какая-нибудь привязка к пропозициональному содержанию, тогда для нее моя схема, очевидно, бесполезна.

⁴Вопрос о том, может ли религиозная вера быть пропозициональной, является дискуссионным. В качестве примеров данной дискуссии можно привести работы Howard-Snyder, 2013; Buchak, 2018.

⁵Интересная подборка аргументов за и против того, что религиозная вера подразумевает пропозициональную веру, содержится в статье Howard-Snyder, 2016.

⁶Что-то подобное обсуждает Витгенштейн в «Лекциях о религиозной вере» (см.: Бутаков, 2014: 143–144) или, если выбрать более современный пример, Говард Веттстайн (Wettstein, 2019). Их подход распространен в равнинистической традиции, а также нередко встречается среди христиан. Одним из возможных вариантов такого подхода является фикционализм (см.: Howard-Snyder, 2019).

Напоследок я хочу обратить внимание еще на два направления расширения дискуссии, не связанных напрямую с допущениями (1)–(3). К. П. П. спрашивает: возможна ли вера без понимания предмета веры? Другими словами, как вообще можно верить в истинность пропозиции без какого-либо понимания ее смысла? На мой взгляд, К. П. П. занимает слишком категоричную позицию: если нет полноценного понимания, то вера невозможна. Интуитивно я склоняюсь к более мягкому количественному подходу: для формирования веры достаточно и частичной понятности, а последующее обретение более полного понимания будет оказывать влияние на уже существующую веру. Тем не менее, насколько мне известно, отношение между верой и пониманием остается непроясненным, и эпистемологам следует заняться этим перспективным исследованием. Далее, А. Р. настаивает на том, что при разговорах об укреплении уверенности необходимо как-то учитывать возможность и цену ошибки. С этим трудно не согласиться, и я надеюсь, что эта задача станет темой будущих философских изысканий.

Большое спасибо всем моим собеседникам за содержательные и увлекательные ответы!

Р. S. для В. М. Л.: это мы еще поглядим, кто из нас «кальвинист»: я со своей эксплицитностью пропозициональной веры или Вы со своим имплицитным чувством существования Бога и верой в то, что «Бог таков, что жить надо, как Бог велит» :)

ЛИТЕРАТУРА

- Бутаков П. А.* Отрицательная теология и религиозная жизнь : Маймонид, Витгенштейн и Патнэм // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. — 2014. — Т. 12, № 4. — С. 141–146.
- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. — М. : АСТ, 2014.
- Buchak L.* When is Faith Rational? // Norton Introduction to Philosophy / ed. by G. Rosen, A. Byrne. — New York : W. W. Norton & Company, 2018. — P. 115–129. — 2nd edition.
- Howard-Snyder D.* Propositional Faith : What it is and What it is Not // American Philosophical Quarterly. — 2013. — Vol. 50. — P. 357–372.
- Howard-Snyder D.* Does Faith Entail Belief? // Faith and Philosophy. — 2016. — Vol. 33, no. 2. — P. 142–162.
- Howard-Snyder D.* Can Fictionalists Have Faith? It All Depends // Religious Studies. — 2019. — Vol. 55. — P. 447–468.

Wettstein H. *The Fabric of Faith // Jewish Philosophy in an Analytic Age* / ed. by S. Lebens, D. Rabinowitz, A. Segal. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — P. 183–197.

Butakov, P. A. 2020. “Vo chto i kak nado verit’: otvet sobesednikom [What to Believe and How to Believe It: A Response to My Interlocutors]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (4), 237–246.

PAVEL BUTAKOV

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE SB RAS (NOVOSIBIRSK, RUSSIA);
ORCID: 0000-0001-8133-1626

WHAT TO BELIEVE AND HOW TO BELIEVE IT: A RESPONSE TO MY INTERLOCUTORS

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-237-246.

REFERENCES

- Buchak, L. 2018. “When is Faith Rational?” In *Norton Introduction to Philosophy*, ed. by G. Rosen and A. Byrne, 115–129. 2nd edition. New York: W. W. Norton & Company.
- Butakov, P. A. 2014. “Otritsatel’naya teologiya i religioznaya zhizn’ [Negative Theology and Religious Life]: Maymonid, Vitgenshteyn i Patn-em [Maimonides, Wittgenstein and Putnam]” [in Russian]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Philosophy]* 12 (4): 141–146.
- Howard-Snyder, D. 2013. “Propositional Faith: What it is and What it is Not.” *American Philosophical Quarterly* 50:357–372.
- . 2016. “Does Faith Entail Belief?” *Faith and Philosophy* 33 (2): 142–162.
- . 2019. “Can Fictionalists Have Faith? It All Depends.” *Religious Studies* 55:447–468.
- Kahneman, D. 2014. *Dumay medlenno... reshay bystro [Thinking, Fast and Slow]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Andreyev, Yu. Deglina, and N. Parfenova. Moskva [Moscow]: AST.
- Wettstein, H. 2019. “The Fabric of Faith.” In *Jewish Philosophy in an Analytic Age*, ed. by S. Lebens, D. Rabinowitz, and A. Segal, 183–197. Oxford: Oxford University Press.